

Лоис Лоури
В поисках синего
Серия «Дающий», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16960352
В поисках синего / Лоис Лоури: Розовый жираф; Москва; 2015
ISBN 978-5-4370-0110-3

Аннотация

После глобальной катастрофы на Земле, похоже, не осталось ни городов, ни машин, ни железных дорог. Девочка Кира живет в поселке, где помощь ближнему – редкость, добыть еду – удача, а смерть подстерегает любого – от болезни или от лап хищных тварей. У хромой сироты Киры мало шансов, тем более что соседи считают ее обузой и хотят убить. Но сделать это без разрешения Хранителей нельзя. Выдержать ненависть соседей и суд Хранителей Кире позволяет ее удивительный дар – она и сама не догадывалась, на что способна.

«В поисках синего» – вторая часть тетралогии Лоис Лоури, но сюжетно с «Дающим» ее связывает лишь тонкая ниточка (хотя внимательный читатель найдет в ней ответ на главный вопрос – о судьбе Джонаса). И тем не менее эти книги очень похожи: в обеих описывается мир, который населяющие его люди воспринимают как правильный и единственно возможный, и только главные герои понимают, что он пронизан ложью и может стать другим.

Содержание

1	5
2	10
3	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Лоис Лоури В поисках синего

Lois Lowry
Gathering Blue

Публикуется с особого разрешения издательства Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company

Copyright © 2000 by Lois Lowry

© С. Петров, перевод с английского, 2015

© ООО «Издательство «Розовый жираф», издание на русском языке, 2015

* * *

1

– Мама?

Ответа не было. Да она его и не ждала. Прошло четыре дня с тех пор, как мать умерла, и Кира видела, что остатки маминой души отлетают прочь.

– Мама, – тихо повторила Кира, обращаясь ко всему, что отправлялось в небытие. Она, казалось, ощущает это движение: слабое дуновение ветерка тихой ночью.

Теперь она осталась совсем одна. Кире было очень одиноко и грустно, она совсем не знала, что ей делать дальше.

Ее мать Катрина, всегда такая добрая и улыбчивая, после быстрой и неожиданной болезни превратилась в тело, в котором еще оставалась душа. А спустя четыре восхода и четыре заката ушла и душа. Теперь это было просто тело. Скоро должны были прийти копатели и зарыть его, но все равно Катрину съедят голодные твари, приходящие по ночам. Затем кости распадутся, сгниют и раскрошатся, смешаются с землей.

Кира быстро вытерла рукой глаза, которые наполнились слезами. Она любила свою мать и будет страшно скучать по ней. Но пора было идти. Она воткнула посох в мягкую почву, оперлась на него, встала и неуверенно оглянулась вокруг.

Она была молодой и никогда до этого не сталкивалась со смертью, во всяком случае, ни разу не видела, чтобы в семье из двух человек умирал один. Конечно, ей доводилось смотреть на то, как погребальные ритуалы совершали другие. Она и сейчас видела людей на зловонном Покидай-поле – они стояли сгрудившись возле тех, чью испаряющуюся душу охраняли. Она знала, что где-то здесь женщина по имени Елена наблюдает за тем, как душа уходит из тела ее преждевременно родившегося ребенка. Елена пришла на Поле накануне. За младенцами не нужно следить четыре дня – их крошечная душа, едва пришедшая в этот мир, отлетает быстро. Так что Елена скоро вернется в поселок к своей семье.

А вот у Киры теперь не было ни семьи, ни дома. Хижину, в которой жили они с матерью, сожгли. Так всегда делали, когда кто-то заболел и умирал. Лачуги, служившей Кире домом с рождения, больше не было. Сидя возле тела, она видела поднимающийся вдали дым. Вместе с душой матери в небо, кружась, отлетали обгоревшие кусочки Кирино детства.

Ее передернуло от страха. Страх всегда был частью жизни людей. Именно страх заставлял их строить себе укрытия, искать пищу и выращивать растения. А еще делать и копить оружие. Был страх холода, болезни и голода. Был страх тварей.

Именно страх сдвинул ее с того места, где она стояла, облокотившись на свой посох. Она бросила последний взгляд на безжизненное тело, которое раньше было ее матерью, и стала думать, куда пойти.

Надо строить новый дом, решила Кира. Если она сможет найти помощь, то управится быстро, особенно сейчас, в начале лета, когда ветки деревьев гибкие, а на берегах реки полно густой глины. Но скорее всего, придется все делать самой. Кира не раз видела, как строят другие, и понимала, что, наверное, сможет соорудить себе какое-то укрытие. Конечно, наверняка стены получатся косыми, а очаг кривым. И трудно будет настилать крышу: из-за больной ноги она вряд ли сможет залезть наверх. Но она что-нибудь придумает. Как-нибудь да выстроит себе хижину. А затем решит, на что жить.

Ее дядя, брат матери, два дня провел на Поле, но он охранял не Катрину, свою сестру, а безмолвно сидел возле тел своей жены, вспыльчивой Солоры, и их только что родившегося младенца, которому даже не успели дать имя. Встретившись, Кира и брат ее матери только кивнули друг другу. Но сейчас он уже ушел, поскольку его время на Поле закончилось. Ему надо было заботиться о детях: у них с Солорой их осталось двое. Они были еще

маленькими, и их пока звали односложно – Дан и Мар. «Может, я буду за ними присматривать», – подумала было Кира, пытаясь представить свое будущее в поселке. Но сразу же поняла, что ей этого не разрешат. Детей Солоры заберут и отдадут бездетным. Здоровые и сильные малыши ценились высоко: если их хорошо воспитать, они будут служить семье и приносить ей пользу.

А Киру ценить никто не будет. Никто, кроме матери, никогда не ценил ее. Катрина часто рассказывала Кире историю ее рождения – рождения девочки без отца и с вывихнутой ножкой – и как матери пришлось бороться, чтобы сохранить ей жизнь.

– За тобой пришли, – шептала Катрина, сидя вечером в хижине у ярко пылавшего огня. – Тебе был всего один день, у тебя не было имени, даже односложного.

– Имени Кир.

– Да, правильно: Кир. Мне принесли еду и собирались забрать тебя на Поле.

Киру передернуло. Так было принято, таков был обычай, и это было милосердно – отдать обратно земле безымянного и ущербного младенца до того, как в нем поселится душа и он станет человеком. Но она все равно поежилась.

Катрина погладила волосы дочери.

– Они не хотели тебе зла, – напомнила она.

Кира кивнула.

– Они не знали, что это была я.

– Но это еще и не была ты.

– Расскажи еще раз, почему ты сказала им «нет», – прошептала Кира.

– Я знала, что у меня не будет другого ребенка, – вздохнула мать, вспоминая. – Твоего отца забрали твари. Прошло уже несколько месяцев с тех пор, как он ушел на охоту и не вернулся. Поэтому у меня больше не могло быть детей. Да, возможно, когда-нибудь мне бы дали на воспитание сироту. Но уже тогда – хотя твоя душа еще только вселялась в тебя, а твоя ножка была вывернута и было понятно, что ты никогда не будешь бегать, – уже тогда у тебя был умный взгляд. Я видела в твоих глазах нечто необычное. А еще у тебя были длинные пальцы.

– И сильные. У меня были сильные руки, – добавила Кира довольно. Она столько уже слышала эту историю, но всякий раз опускала глаза и с гордостью смотрела на свои руки.

Мать улыбнулась.

– Очень сильные. Ты схватила мой большой палец и не хотела его отпускать. Ты так крепко в меня вцепилась, что я просто не могла тебя отдать. Я просто сказала им «нет».

– Им это не понравилось.

– Но я не сдавалась. И конечно, еще был жив мой отец. Он уже был старый, четырехсложный, а до этого он долгое время был вождем, Главным Хранителем. Его уважали. И твой отец тоже стал бы уважаемым вождем, если бы не погиб на большой охоте. Его успели избрать Хранителем.

– Скажи мне, как его звали, – попросила Кира.

Мать улыбнулась. На ее лицо падал отблеск от очага.

– Кристофер, – сказала она, – ты же знаешь.

– Мне приятно слышать его имя. Я люблю, когда ты его произносишь.

– Рассказывать дальше?

Кира кивнула:

– Ты не сдавалась, ты стояла на своем, но они заставили тебя пообещать, что я не стану обузой. Но ведь я и не стала, правда?

– Конечно, нет. Ты хромаешь, зато у тебя сильные руки и светлая голова. Ты хорошая помощница в ткацкой артели; это говорят все женщины, которые там работают. Хромая нога – ерунда, ты ведь у меня умница. А какие истории ты рассказываешь малышам, какие

картины ты сплетаешь из слов и нитей! А как ты вышиваешь! Ничего подобного люди никогда не видели. Я бы никогда так не смогла!

Она замолчала, а потом улыбнулась.

– Ну все. Захвалю тебя еще. Не забывай, ты пока ребенок и тебе надо слушаться взрослых, а ты что? Утром, например, забыла прибрать в доме, хотя обещала.

– Завтра не забуду, все сделаю, – сонно сказала Кира. Она лежала на толстой циновке, прижавшись к матери и вытянув ногу так, чтобы было удобно спать всю ночь. – Обещаю.

А теперь у нее совсем никого нет, никто ей больше не поможет. Семьи у нее не осталось, а сама она не считалась в поселке особо полезной. Кира помогала ткачихам собирать обрезки ткани и прочие отходы, но из-за хромой ноги ценность ее как работника и – в будущем – как жены была небольшой.

Да, женщинам нравились сказки, которые она рассказывала малышам, чтобы их развлечь или успокоить, все восхищались тем, как она вышивала лоскутки. Но это же всё развлечения, а не работа.

Солнца на небе уже не было видно, деревья и колючие кусты, растущие по краям Покидай-поля, отбрасывали длинные тени. Значит, было уже далеко за полдень. Ей пора было уходить, но вот куда? Она осторожно собрала шкуры, на которых спала эти четыре ночи, что охраняла душу матери. От костра осталась холодная почерневшая зола. Сосуд для воды был пуст, еда закончилась.

Медленно, опираясь на палку, она ковыляла к тропе, ведущей к селению. В ней теплилась надежда, что там ее кто-то ждет.

На краю покрытой мхом поляны играли малыши.

К их голым телам и волосам пристали сосновые иголки. Она узнала детей, улыбнулась. Здесь был светловолосый сын знакомых; она помнила, как он родился два солнцеворота назад. И девочка, чей брат-близнец умер; она была младше светловолосого, едва начала ходить, но смеялась и визжала вместе со всеми детьми, которые играли в догонялки. Малыши шлепали и пихали друг друга, хватали прутики и размахивали кулаками. Кира помнила, как много лет назад и ее сверстники играли в эту игру, которая готовила их к настоящим сражениям, ко взрослой жизни. А ей из-за хромоты оставалось только с завистью наблюдать со стороны.

На нее посмотрел старший ребенок, чумазый мальчик лет восьми или девяти, еще не ставший подростком и не получивший двусложное имя. Он собирал хворост и складывал его в связки. Кира улыбнулась. Это был Мэтт, ее давний друг. Мэтт ей нравился. Он жил в заболоченном Фене, наверное, его отец был волочилой или копателем. Мэтт свободно бегал по поселку вместе со своими шумными друзьями и собакой, не отходившей от него ни на шаг. Иногда он отвлекался от беготни, чтобы выполнить какую-нибудь небольшую работу за несколько монет или сладости. Кира помахала Мэтту. Кривой хвост собаки, из которого торчали веточки и листья, глухо застучал по земле, а мальчик улыбнулся ей в ответ.

– Так ты чего, с Поля обратно? – спросил он. – Ну и чего? Небось, того, жуть? А твари ночью приходили?

Кира покачала головой. Односложным детям нельзя было ходить на Поле, поэтому Мэтту было интересно и немного страшно.

– Не было тварей, – успокоила она его. – Я разожгла костер, они его боятся.

– Ну, чего Катрина? Ушла из тела-то? – спросил он. Жителей Фена всегда можно было узнать по грубому говору и таким же грубым манерам. Многие глядели на них свысока. Но не Кира. Мэтт ей очень нравился.

Она снова кивнула:

– Дух моей матери ушел. Я видела, как он покидает тело. Как дымок. Его унесло. Мэтт подошел к ней, не выпуская из рук охапку хвороста. Он грустно посмотрел на нее и шмыгнул носом.

– Хижина твоя жуть как горела, – сказал он.

Кира вздохнула. Она знала, что ее дом, скорее всего, уже разрушен, хотя втайне надеялась, что случилось чудо и он уцелел.

– И все наши вещи сожгли? А мою рамку? Рамку для вышивания тоже?

Мэтт нахмурился.

– Почти всё, того, сгорело. Сожгли только вашу хижину. Обычно, как болезнь случается, палат дом за домом. Но в этот раз только ваш.

– Да, – снова вздохнула Кира.

Раньше часто бывали болезни, распространявшиеся от хижины к хижине, и многие умирали. Тогда устраивали огромный пожар, а за ним начиналось новое торжественное строительство и с утра до вечера слышались равномерные шлепки глины, которую рабочие бросали на деревянные стены и разглаживали. Новые хижины росли, хотя запах гари от старых еще витал в воздухе.

Но сегодня никакого праздника не было. Раздавались только привычные звуки. Смерть Катрины ничего не изменила в жизни людей. Катрина была – теперь ее нет. Жизнь остальных продолжалась.

Кира остановилась у колодца и наполнила свой кувшин водой. Отовсюду слышалась ругань. В поселке постоянно звучали перебранки: грубые замечания мужчин, соперничавших между собой; визгливое хвастовство и насмешки женщин, завидовавших друг другу; крики и нытье детей, которые путались под ногами у родителей и постоянно получали от них пинки.

Кира сощурилась от вечернего солнца, приложила руку козырьком к глазам, пытаясь разглядеть пожарище на месте своей хижины, и глубоко вздохнула. Глину на берегу реки и так нелегко добывать, а еще придется далеко носить деревянные жерди. К тому же угловые балки должны быть прочными, и их будет совсем тяжело таскать.

– Мне пора строиться, – сказала она Мэтту. Он все держал вязанку хвороста в испаряющихся и грязных руках. – Поможешь? Вдвоем веселее. Я не смогу тебе заплатить, но буду рассказывать новые истории.

Мальчик покачал головой.

– Если не соберу хворост, побьют меня, – проговорил он и отвернулся.

Потом он снова повернулся к Кире и тихо сказал:

– Слышал, тебя прогнать хотят. Мамка-то твоя померла, вот они и отдадут тебя тварям. Хотят, чтобы волочили тебя забрали.

У Кире от страха перехватило дыхание. Но ей надо было обо всем разузнать, поэтому она старалась говорить спокойным голосом: если Мэтт поймет, что она боится, то испугается сам.

– Кто – они? – спросила она, и все равно голос задрожал и прозвучал на тон выше обычного.

– Ну эти, бабы, – ответил он. – Слышал их у колодца. Я там таскал щепу из мусора, а они меня не заметили. Короче, им нужен твой участок. Ну, где была твоя хижина.

Загон им нужен, чтоб держать в нем малявок и птицу. Чтоб не бегать за ними все время.

Кира пристально смотрела на него. Как невероятно и чудовищно – какой будничной была эта жестокость. Ради загона для детей и кур женщины выставят ее из поселка и отдадут на съедение лесным тварям, которые так и ждут новой добычи.

– Кто больше всех хотел меня прогнать? – спросила она спустя минуту.

Мэтт задумался. Он теребил ветки, и было видно, что он колеблется, боится за себя. Наконец (все-таки он ее друг), оглянувшись и убедившись, что его никто не слышит, он назвал имя человека, с которым Кире предстояло бороться.

– Вандара, – прошептал он.

Кира не удивилась. И все равно ее сердце сжалось.

2

Прежде всего, решила Кира, стоит притвориться, что она ничего не знает. Она пойдет туда, где стояла их с матерью хижина, и начнет все строить заново. Вдруг один вид того, как она работает, заставит женщин передумать?

Опираясь на палку, она шла через людное селение. Те, кто ее замечал, кивали ей; но все были заняты, каждый своими повседневными делами, здесь не было принято обмениваться любезностями.

Она увидела брата матери. Вместе с Даном, своим сыном, он работал в огороде возле хижины, где еще недавно с ними жила Солора. В ее последние дни, когда она рожала и умирала, с сорняками никто не боролся. За те несколько дней, что дядя сидел у тела мертвой жены и младенца, сорняки разрослись еще больше. Шесты, по которым вилась фасоль, покосились, и он зло выравнивал их. Дан пытался ему помочь, а младшая сестра – Мар – возилась в грязи на краю огорода. Дан держал один из шестов криво, и отец стал его за это распекать, а потом сильно ударил.

Кира шла мимо, с каждым шагом сильно втыкая в землю свой посох, и готовилась кивнуть, если ее заметят. Но девочка, играющая в грязи, ныла и плевалась – она только что попробовала на вкус камешки, как это делают все младенцы, и они ей явно не понравились. Дан взглянул на Киру, но будто не узнал ее и не поздоровался; от отцовского удара он весь съежился. Дядя, единственный брат ее матери, не поднимал глаз от своей работы.

Кира вздохнула. У него хотя бы были помощники. Если она не уговорит Мэтта и его товарищей помочь ей, то всей работой – постройкой нового дома, уходом за садом – ей придется заниматься в одиночку, и это при условии, что ей вообще разрешат здесь остаться.

У Киры заурчало в животе, и она почувствовала, что очень проголодалась. Срезав путь и пройдя за рядом низеньких хижин, она направилась к своей делянке. На месте ее дома была куча черного пепла. От утвари ничего не осталось. Но она с радостью заметила, что уцелел их маленький огород. Цветы, посаженные матерью, все еще цвели, а овощи зрели. По крайней мере, на первое время у нее будет еда.

Или не будет? Пока она осматривалась, из рощицы поблизости выскочила женщина, взглянула на Киру и стала нагло выдирать морковь из их с мамой грядок.

– Стой! Это мое! – Кира, волоча больную ногу, бросилась вперед так быстро, как только могла.

Презрительно смеясь, женщина отошла в сторону. Она держала целую охапку моркови, всю в земле.

Кира поспешила к огороду. Она поставила сосуд с водой на землю, выкопала несколько морковок, очистила их от земли и начала есть. В семье не было охотника, и они с матерью почти не ели мяса, если не считать тех редких случаев, когда им удавалось добыть какого-нибудь зверька прямо в поселке (в лесу могли охотиться только мужчины). В реке не переводилась рыба, ее легко было поймать, и им этого вполне хватало.

Но без овощей было никак нельзя. Ей повезло, подумала она, что за четыре дня, проведенные на Поле, огород не разорили полностью.

Утолив голод, она села, чтобы дать ноге отдохнуть. На краю участка, рядом с пожарищем, лежала куча очищенных от ветвей стволов молодых деревьев, словно кто-то собирался ей помочь построить новый дом, хотя Кира на этот счет не обольщалась.

Она встала и попробовала вытащить из кучи одну из длинных жердей. Тут же с ближайшей полянки выскочила Вандара, которая, как поняла Кира, все это время наблюдала за ней. Кира не знала, кто муж и дети этой женщины и где они живут. Точно не по соседству. Но в поселке ее хорошо знали. О ней говорили. Ее знали и уважали.

Или боялись.

Вандара была высокой и мускулистой, с длинными спутанными волосами, небрежно отброшенными назад и перехваченными ремешком. Глаза – темные и огромные, а взгляд нехороший. Говорили, что неровный шрам, который спускался от подбородка к широкому плечу, – след давней борьбы с лесной тварью. Никому еще не удавалось выжить после такой раны от когтей, и шрам говорил о том, какая Вандара смелая, сильная и злая. Дети шептались, что тварь напала на нее и поранила, когда женщина пыталась похитить у твари детеныша из берлоги.

И теперь, похоже, Вандара снова собиралась уничтожить чужого детеныша.

Но в отличие от лесных тварей у Киры не было когтей, чтобы драться. Она крепко сжала свой деревянный посох и старалась глядеть так, чтобы не выдавать свой страх.

– Я вернулась и буду строить здесь свою хижину, – сказала она.

– Твое место ушло. Теперь оно мое. Это мои жерди.

– Я срублю себе жерди сама, – согласилась Кира, – но здесь буду строить я. Это место принадлежало моему отцу, еще когда я не родилась, а после его смерти – моей матери. Теперь, когда она умерла, оно мое.

Из соседних хижин вышли другие женщины.

– Оно нужно нам! – крикнула одна из них. – Мы построим загон для детей. Так Вандара решила.

Кира посмотрела на эту женщину, грубо державшую ребенка за руку.

– Возможно, держать детей в загоне – хорошая мысль, – ответила она. – Но не здесь. Загон можно устроить где угодно.

Краем глаза Кира увидела, что Вандара наклонилась и взяла камень размером с детский кулак.

– Ты нам тут не нужна, – сказала женщина. – Какая от тебя польза с твоей ногой? Тебя всегда защищала мать, но теперь ее нет. Убирайся! Почему ты просто не осталась на Поле?

Кира увидела, что женщины, настроенные так враждебно, ее окружают. Они смотрели на Вандару и ждали, что она сделает. У некоторых из них, заметила она, в руках были камни. Когда бросят первый камень, за ним последуют и остальные, она знала это. Они все ждали этого первого камня.

«Что сделала бы мама? – думала она лихорадочно, обращаясь к частичке материнской души, живущей теперь в ней, с просьбой дать ей мудрость. – Или отец, который не узнал даже, что я родилась? Его душа тоже есть во мне».

Кира расправила плечи и заговорила ровным голосом. Она старалась встретиться глазами с каждой женщиной по очереди. Некоторые опускали взгляд, смотрели в землю. Это хорошо. Значит, они слабые.

– Вы знаете, что если в поселении возникает ссора, которая может привести к чьей-то гибели, мы должны пойти к Совету Хранителей, – напредила им Кира. В ответ она услышала одобрительное бормотание. Рука Вандары все еще сжимала камень, ее плечи были напряжены – она готовилась к броску.

Кира посмотрела в глаза Вандары, но теперь она обращалась к остальным, ища их поддержки. Она давила не на сочувствие, потому что знала, что никакого сочувствия нет, а на страх.

– Помните, что если о ссоре не будет сообщено Совету и если будет смерть...

Она расслышала шепот: «Если будет смерть...» Одна женщина повторяла за ней неуверенным тревожным голосом.

Кира подождала. Она стояла, выпрямившись как только могла.

Наконец, одна из женщин закончила строчку правила: «...тот, кто причинил смерть, должен умереть».

– Да, тот, кто причинил смерть, должен умереть.

Эту фразу повторили и другие голоса. Постепенно женщины опустили камни. Каждая решила, что не хочет быть той, кто причинил смерть. Кира начала немного успокаиваться. Она ждала. Она наблюдала.

Наконец, камень остался только в руке Вандары. Пристально глядя Кире в глаза, Вандара пугала ее, замахивалась, словно собиралась бросить камень. Но в конце концов она тоже кинула свое оружие на землю, хотя и в сторону Кире.

– Тогда я отведу ее в Совет, – объявила она женщинам. – Я хочу стать ее обвинителем. И пусть уже они ее выгоняют.

Она хрипло засмеялась.

– Нечего нам тратить свою жизнь на то, чтобы избавиться от нее. К завтрашнему закату эта земля будет наша, а она уйдет. Чтобы дожидаться тварей на Поле.

Все женщины посмотрели в сторону леса, который теперь был в глубокой тени: там ждали твари. Кира заставила себя не смотреть вместе со всеми.

Рукой, в которой только что лежал камень, Вандара провела по шраму на горле и плотоядно улыбнулась.

– Я помню это чувство, – проговорила она, – когда видишь, как твоя кровь льется на землю. Я выжила, – напомнила она всем, – я выжила потому, что я сильная. К завтрашней ночи, когда она почувствует когти на своей глотке, – продолжила она, – это недоразумение пожалеет, что не умерло подле своей матери.

Согласно кивая, женщины повернулись к Кире спиной и стали расходиться, браня и пиная идущих рядом детей. Солнце уже опустилось. Теперь они займутся обычными вечерними делами, готовясь к возвращению мужчин, которым потребуется еда, огонь и повязки на раны.

Одна женщина была на сносях; возможно, она родит этой ночью, а остальные будут ей помогать, заглушать ее крики и оценивать, насколько младенец будет полезен в поселке. Другие этой ночью будут совокупляться, и потом от этого появятся новые люди, новые охотники, которые придут на смену умершим от ран, болезней и старости.

Кира не знала, что решит Совет Хранителей. Она знала только одно: останется она или уйдет, будет строить свой дом или отправится на Поле и предстанет перед тварями, ждущими в лесу, она будет совсем одна. Она устало села на почерневшую от пепла землю и принялась ждать ночи.

Она потянулась за валяющейся рядом толстой веткой, стала крутить ее в руках, пытаясь понять, ровная и крепкая ли она. Если Кире позволят остаться, то для хижины ей потребуются прямые, длинные и прочные деревянные балки. Возможно, она пойдет к лесорубу Мартину. Он когда-то дружил с ее матерью. Может, предложить ему поменяться? Она вышьет что-нибудь для его жены, а он нарубит ей балоки?

Для работы, которой она собиралась зарабатывать на жизнь, ей тоже потом потребуются небольшие прочные деревянныешки. Эта оказалась слишком гибкой, так что она отбросила ее на землю. Завтра, если Совет Хранителей примет решение в ее пользу, она поищет подходящие короткие гладкие рейки, которые потом скрепит по углам. И получится новая рамка для вышивания.

Кира всегда хорошо работала руками. Когда она была еще ребенком, мать обучила ее пользоваться иглой: протыкать ткань и создавать с помощью цветных нитей узоры. Ее умение неожиданно перестало быть обычным: недавно у нее случился прорыв, и оказалось, что она намного искуснее матери. Теперь ей не нужен был наставник, она вышивала без проб и колебаний, ее пальцы как будто сами знали, как скручивать и переплетать нити, как делать особые стежки, рождая богатые узоры, словно лучащиеся разными цветами. Она не пони-

мала, как в ней родилось это знание. Но оно хранилось в ее пальцах, которые и сейчас слегка дрожали от желания начать работу. Только бы ей позволили остаться.

3

Посланник, почесывая укусы насекомого на шее, пришел к Кире на рассвете и сообщил, что она должна прийти в Совет Хранителей ближе к полудню. Когда солнце было почти в зените, она привела себя в порядок и пошла, чтобы успеть к сроку.

Здание Совета было удивительно роскошным. Оно было возведено еще до Разрухи, случившейся так давно, что никто из ныне живущих, никто из их родителей или дедов еще тогда не родился. Люди знали о Разрухе только из Песни, которую ежегодно исполняли на Собрании.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.